

ГНЕВ БОЖИЙ И СОЦИАЛЬНОСТЬ

БОГОСЛОВСКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Сергей Александрович Колесников

доктор филологических наук
проректор по научной работе Белгородской православной
духовной семинарии
профессор Белгородского юридического института МВД
России
308025, г. Белгород, ул. Белгородского полка, 75
skolesnikov2015@yandex.ru

Для цитирования: Колесников С. А. Гнев Божий и социальность: богословско-демографические аспекты // Богословский вестник. 2025. № 3 (58). С. 109–130. DOI: 10.31802/GB.2025.58.3.006

Аннотация

УДК 27-662.3 (27-1)

Статья направлена на обоснование принципиальной возможности и необходимости богословского осмыслиения социальных процессов и их трансформации. Методологическая база исследования включает сравнительный анализ, аналитическую интерпретацию и комментированное рассмотрение источников. Особое внимание уделяется богословским аспектам концепта гнева Божьего и его применению при оценке причин и потенциальных путей преодоления демографического кризиса в современной России. Полученные результаты показывают, что периоды общественных потрясений требуют целостного богословского подхода к интерпретации социальных явлений. В качестве ключевого направления выхода из демографического кризиса рассматривается интеграция богословской концепции гнева Божьего, способной задать иное, христиански ориентированное понимание социальных преобразований. Делается вывод о том, что богословие гнева Божьего может выступать эффективным концептуальным ресурсом в формировании стратегий повышения количественных и качественных характеристик народонаселения.

Ключевые слова: демографический кризис, христианское богословие и демография, богословские социальные проекты, социальная миссия богословия в области демографии.

Статья поступила в редакцию 11.12.2024; одобрена после рецензирования 15.1.2025

God's Wrath and Sociality: Theological and Demographic Aspects

Sergey A. Kolesnikov

Doctor of Philology

Vice-Rector for Research at the Belgorod Orthodox Theological Seminary

Professor at the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

75 Belgorodsky Polka st., Belgorod 308025, Russia

skolesnikov2015@yandex.ru

For citation: Kolesnikov, Sergey A. "God's Wrath and Sociality: Theological and Demographic Aspects". *Theological Herald*, no. 3 (58), 2025, pp. 109–130 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2025.58.3.006

Abstract. The article aims to substantiate the fundamental possibility and necessity of theological reflection on social processes and their transformation. The methodological framework of the study includes comparative analysis, analytical interpretation, and commented examination of sources. Particular attention is given to the theological aspects of the concept of the wrath of God and its applicability in assessing the causes and potential ways of overcoming the demographic crisis in contemporary Russia. The findings indicate that periods of social upheaval require a holistic theological approach to the interpretation of societal phenomena. As a key direction for addressing the demographic crisis, the study proposes the integration of the theological concept of the wrath of God, which enables a Christian-oriented reinterpretation of social transformations. The article concludes that the theology of the wrath of God can serve as an effective conceptual resource for developing strategies aimed at improving both the quantitative and qualitative characteristics of the population.

Keywords: demographic crisis, Christian theology and demography, theological social projects, social mission of theology in the field of demography.

The article was submitted on 12/11/2024; approved after reviewing on 1/15/2025

Введение

Право богословия определять социальную динамику, т. е. принципиальная возможность и необходимость богословского осмысления моделей современного общества, сегодня является актуальным требованием времени¹. Христианское богословие XXI столетия призывается к овладению грамматикой социальных преобразований, основанной на максимальной открытости богословской мысли для Божественной универсальности. Язык богословия, звучащий в социальных пространствах, позволяет вывести сущность социальных процессов на уровень «чистых первичных условий» (И. Кант), открывающих и напоминающих о божественном сотворении социального универсума.

Социальная значимость и результивность богословия определяется через способность богословского мировидения выстраивать коммуникативный мост между социальным и божественным, тот мост, который призван вывести к свету великому (Ис. 9, 2). Социальное «мостостроительство» богословия отличается тем, что через богословское осмысление социальных явлений мост к «соционике» Града Небесного открывает панораму на «величие высоты, твердь чистоты, вид неба в славном явлении!» (Сир. 43, 1). Социально-богословский мост претендует не столько на горизонтальную глобальность, сколько на вертикальную вознесённость: чем выше — интеллектуально, духовно, метафизически — социально-богословский мост, тем результативнее социальные последствия духовно-интеллектуального взлетания.

Богословие, обладающее уникальным миропознающим качеством, находится «между», позволяет использовать подобную гносеологическую «промежуточность» как ресурс социального преображения, как теоретико-праксисную установку на возвращение социальности её божественных смыслов. Само глубинно-методологическое состояние богословия, характеризуемое определением «между» (например, В. Десмонд акцентировано сополагает бытийность и «промежуточность» теологического метода²), даёт право заявить о принципиальной возможности преодоления разорванности социального и божественного через активацию богословской аксиоматики.

1 Подробно см.: Колесников С. А. Богословие и социум: варианты взаимодействия и стратегии преобразования // БВ. 2024. № 4. С. 61–79.

2 Desmond W. Being and the Between: Political Theory in the American Academy. New York (N. Y.), 1995.

Богословская универсальность, предстающая как «человеческой проект, в рамках которого устанавливается священный космос»⁵, выводит социальность к перспективам духовного преображения. Право богословия выступить научно-социальным инструментарием, право практически изменять общество обосновано статусом практического богословия, которое «получило несомненный научный статус, свои научные задачи, источники и методы исследования, но они имели особенность — взаимосвязь теоретического богословия, с его историческим и систематическим подходами, концептуальной основой и специальными исследованиями по конкретным вопросам, и реальной современной жизни Церкви, с её актуальными проблемами»⁴. Научный практис богословия, явленный в праве на социальные преобразования, определяется именно «мостостроительной» способностью богословской мысли к преодолению общественных разрывов:

«Теология — познание Бога — меняется во времени, но ее изменение не является эволюционным (как в биологии) и линейным, как отчасти утверждали Д. Г. Ньюман и Д. Ноонан. По аналогии с физикой (релевантным примером для Т. Куна) автор говорит о моральной теологии как о наборе парадигм, которые не сменяют друг друга как восприемники, а возникают в момент разрывов»⁵.

«Моменты разрывов» и есть та область, в которой социально востребована практико-моральное богословие, способное предложить своё результативное видение общественных состояний и моделей.

Катастрофа и/или гнев Божий

Результативность научно-социального инструментария максимально полно проявляется в ситуациях общественных катастроф, в тех социальных «разрывах», которые евангельская мудрость описывает как разделения и соблазны (Рим. 16, 17). Социальные вызовы, неразрешимость которых ведёт к социальным катастрофам: к катастрофе обрушения образованности, к медиа-катастрофе, особенно к демографической катастрофе... — требуют построения своеобразных «мостов» познания, преодолевающих разрывы и разделения, мостов, способных

3 *Бергер П.* Священная завеса. Элементы социологической теории религии. Москва, 2019. С. 38.

4 *Сухова Н.Ю.* Вертоград наук духовный: сб. статей по истории высшего духовного образования в России XIX – начала XX века. Москва, 2007. С. 270.

5 *Марков Д.А.* О христианской традиции и проблеме деторождения с точки зрения «Структуры теологических революций» Марка Массы // Вопросы теологии. 2020. Т. 2. № 2. С. 253.

вознести человечество над ситуациями, в которых бездна бездну призывает (Пс. 41, 8).

При этом богословие предлагает качественно иной подход к пониманию социальной катастрофичности. Богословский метод не предполагает истолкования катастрофы как явления, происходящего из «катастрофического сознания»⁶, где присутствует «слишком человеческое» понимание катастрофы. Отличительной характеристикой атеологических методов познания, стремящихся интерпретировать смысл катастрофичности, становится перевод вектора познания на более приземлённый уровень, где уже отсутствует принятие метафизической глубины катастрофы. Популяризаторские версии социальной катастрофичности в эпистемологическом максимуме, как правило, сводятся к констатации и описанию катастрофического сознания. Безрелигиозный «человек массы», утопающий в бесцельности социальной тоски, — такова модель катастрофического сознания, создаваемого атеологическими версиями катастрофичности.

Даже в интеллектуально насыщенных вариантах интерпретации катастрофичности, как это представлено, например, в теории катастроф, происходит перенос катастрофы из понятия качественного в количественное⁷, осуществляется сведение катастрофы к утилитарности «Зимановой машины» и других техно-цифровых моделей. Ведущий — и заманивающий! — тезис цифро-прагматической концепции катастроф сориентирован на «элементарность», упрощённость глубинных сущностей катастрофы. Ключевое слово, используемое авторами теории катастроф, — упрощение и даже «переупрощение»⁸. Показательно, что вывод, который делается в итоге атеологических рассуждений, сводится к признанию ограниченности «элементарного» понимания катастрофы: «Приближённое знание настоящей ситуации, сколь бы точным оно ни было, бесполезно для долговременных предсказаний»⁹. Концептуальная упрощённость смысла катастрофы, сведение катастрофичности с возлетающего «моста» богословского осмысления не работает в полной мере в условиях вне-богословского миропонимания. Попытки перевести, переформатировать «разрушение» (греч. «καταστροφή») (т. е.

6 Куликов Л. В. Катастрофизм в массовом сознании как детерминанта состояния страха // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2015. № 5. С. 66.

7 Постон Т., Стюарт И. Теория катастроф и ее приложения. Москва, 1980. С. 13.

8 Там же. С. 553.

9 Там же. С. 535.

межсмысловой поворот строфы, сложнейшее обращение слова-смысла, глубинно преображенное слово) в цифровые утилитарности оказываются мало результативными, если понимать сущность катастрофичности в перспективе.

Христианское богословие предлагает своё, корневое, видение смысла катастрофичности, явленной в социальных реалиях. Например, Г. П. Федотов, обращаясь к теме катастрофы, заявлял, что «русская религиозность всегда отличалась особой эсхатологической напряжённостью»¹⁰. В этом определении фиксируется важнейший признак религиозного понимания катастрофы — её вселенскость, её соотнесённость с Божественным присутствием, о котором свт. Василий Великий говорил:

«Не должно думать, что пришествие Господа будет местное и плотское, но надобно ожидать Его во славе Отчей вдруг в целой вселенной»¹¹.

Катастрофа, как переход к восприятию Божественного нахождения в мире, для богословской модели миропознания становится импульсом исторического развития, ведь «история может идти от катастрофы к катастрофе»¹². Очертания контуров «моста», по которому движется история посредством катастрофы, и эсхатологическая глубина катастрофичности под таким «мостом», описываемы через богословский подход, способный во всей полноте увидеть в социальной катастрофичности величие гнева Божия.

Богословский язык, как никакой иной гносеологический метод, позволяет рассматривать катастрофичность в контексте религиозно-общественных сущностей, даёт возможность осмысливать гнев Божий как социальное явление. При подключении богословской методологии преображается само понятие социального, которое обретаетозвучность с широким спектром богословско-социальных моделей: от общественно-экономических высказываний свт. Иоанна Златоуста до слияния божественного и социального даже у Э. Дюркгейма (...выбор между Богом и обществом не очень существенен, так как я вижу в Божестве общество, преображенное и мыслимое символически»¹³). Однако ситуация преображения социального божественным обостряется и усложняется именно при вхождении социальности в катастрофичность,

10 Федотов Г. П. Судьба и грехи России: избранные статьи. Москва, 2005. С. 149.

11 *Basilii Caesariensis. Moralia* 68, 2 // PG. 31. Col. 808. Рус. пер.: Василий Великий. Нравственные правила // ПСТГО. 2009. Т. 4. С. 72.

12 Федотов Г. П. Судьба и грехи России: избранные статьи. С. 145.

13 Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. Москва, 1995. С. 337.

т. е. там, где социальная катастрофа становится выражением полностью гнева Божия.

Сложность восприятия Божественного гнева в социальном аспекте вполне обоснована. Современная теология стремится увидеть в сложности соотнесения гнева Божия и социальных реалий как раз религиозное основание:

«Главная причина такого смущения лежит, видимо, в нашем смутном подозрении, что мысль о гневе как-то недостойна Бога»¹⁴.

Прозревание гнева Божия в социальных катастрофах требует преобразования воззрений на его причины и последствия, требует принципиального отхода от его истолкования в утилитарных или pragматических параметрах. Гнев Божий — это не «человеческое» прогнозирование, планирование и вынесение оценок-рекомендаций, это даже не вынесение приговора, основанного на самых благих и правовых намерениях. Прозревание гнева Божия тогда сталкивается со «смущением», с познавательной «смутностью», когда происходит недостойное смешение (именно лукавое смешение, а не взаимная открытость!) божественного и земного, когда фокус богоопознания в условиях катастрофичности сбивается на «слишком человеческие» оценки и выводы.

При осмыслении проявления гнева Божия в социальных реалиях выверенным камертоном как раз и выступает богословский метод.

«Богословие гнева», складывающееся на протяжении тысячелетней истории христианства, позволяет обоснованно аргументировать постоянство присутствия гнева Божия в социальных катастрофах, даёт возможность прозревать за земными событиями волю Божию. Новый Завет использует понятие гнева Божия как богословский термин:

«...ибо открывается гнев Божий с небес на всякое нечестие и неправедность человеков, которые утверждают истину неправдой» (Рим. 1, 18).

Гнев Божий подтверждает неудалимость суда Божия из социальных реалий, т. к. *поистине есть суд Божий на делающих такие дела* (Рим. 2, 2). И следовательно: *дайте место гневу Божию* (Рим. 12, 19) в общественных отношениях; осознание гнева Божия, наряду с иными толкованиями причин социальных катализмов, должно присутствовать в сознании общества.

Установка на то, «что нам нечему учиться у гнева Божия», как это было представлено, например, у Ф. Шлейермахера, содержит в себе принципиальный богословский изъян. Аргументация, основанная на том,

14 Пакер Д. Познать Бога... Москва, 1992. С. 67.

что «доктрина гнева Божия не принадлежит христианству, которое, по сути, свидетельствует о примирении мира внутри себя (а не мира с Богом). Учение о гневе Божием не помогает христианам»¹⁵, — забывает о неразрывности божественного и человеческого, делает акцент на стремлении уйти в «слишком человеческое», закрывающее возможность встречи с божественным, даже — и особенно! — в условиях катастрофы, в ситуации предельного напряжения человеческого существования, когда потребность в Боге неизмеримо возрастает. Отказ от концепции гнева Божия разделяет человека и Бога, лишает возможность принять бого присутствие в каждом эпизоде человеческой жизни. Если Бога нет в катастрофе, то почему Он должен проявиться в иных, более мягких, ситуациях? Концепции, отрицающие гнев Божий, ответа на такой остройший вопрос не дают.

Неприятие гнева Божия — это ложная безопасность, стремящаяся уйти от адекватного богословского понимания человеческой жизни. Конечно, богословие гнева не снимает сложность восприятия Божественного суда, но научает видеть гнев Божий в его максимальной полноте и многосторонности. Ещё Августин Блаженный предупреждал о сущностной сложности гнева Божия:

«Гнев Божий не есть волнение Духа Божия, но суд, которым налагаются наказание за грех»¹⁶.

Гнев Божий не эмоциональная слабость Бога, но метафизическая ответственность человека за признание и непризнание Божественного присутствия. Через всеприсутствие гнева Божия открывается неправедность человеческая:

«Весь мир — это след Божий, однако он (если мы выбираем вместо веры соблазн) представляет собой в своей абсолютной загадочности лишь след гнева Божия <...>. Самое важное последствие Божественного гнева — это то, что мы без веры в воскресение называем “Богом” <...>. Гнев Божий — это открывшаяся неверию праведность Божия»¹⁷.

Мир — социальный мир! — посредством гнева Божия оказывается преображенённым в свете веры. Через социальную катастрофу происходит напоминание о неверности неверия, осуществляется перенастройка

15 Schütte H. W. Die Ausscheidung der Lehre vom Zorn Gottes in der Theologie Schleiermachers und Ritschls // Neue Zeitschrift für Systematische Theologie und Religionsphilosophie. 1968. Bd. 10. № 3. S. 388.

16 Augustinus Hippoensis. De civitate Dei 15, 25 // CCSL. 48. P. 493. Рус. пер.: Августин, блж. О граде Божием // Он же. Творения. Т. 3. Санкт-Петербург, 1998. С. 59.

17 Барт К. Послание к Римлянам. Москва, ²2016. С. 17.

духовного зрения, позволяющего увидеть «след Божий» в каждом повороте общественных потрясений.

Социальная катастрофичность, истолковываемая в богословских тональностях, возвращает величественность Божественному проявлению даже через величие страдания:

«...великое будет бедствие на земле и гнев на народ сей» (Лк. 21, 23);

«...и город великий распался на три части, и города языческие пали, и Вавилон великий воспомянут пред Богом, чтобы дать ему чашу вина ярости гнева Его» (Апок. 16, 19).

Величественность, всеохватность гнева Божия восстанавливает в соблазнённом неверием сознании понимание всей полноты, окончательной исполненности воли Божией, понимание того, что воля Божия будет исполнена до конца:

«...приближается на них гнев до конца» (Фес. 2, 16).

Закрываясь от принятия гнева Божия — даже под самыми благовидными предлогами о несопоставимости гнева и милосердия, важности мира в душе и прочими аргументами, — мы тем самым закрываемся от возможности выйти из неправедности, выйти на «мост», выводящий к встрече с божественным.

Гнев Божий неизбытен в человеческом бытии, в человеческих катастрофах.

Ещё Тертуллиан в богословско-«социальной» дискуссии с Маркионом настаивал на том, что отказ от идеи гнева Божия создаёт образ ложного эпикурейского бога¹⁸, который якобы «является блаженным и нетленным и ни себе, ни другим не причиняет беспокойства»¹⁹. Такой бог «в понимании Тертуллиана является неподвижным и застывшим, как бы неживым, и также не соответствующим реальности»²⁰. Неизбытность Божественного гнева в человеческой социальной реальности определяет, в том числе, и ощущение полноты Божественного присутствия, которое при попытках перенести и удалить гнев Божий в небеспокоящее эпикурейство, умаляется и искается.

18 Гординин Е. Ф. Эпикур: Учение о богах и «эстетика удовольствия» // Credo New. 2010. № 4. С. 50.

19 *Tertullianus. Adversus Marcionem I*, 25 // *Tertullianus. Adversus Marcionem*. Oxford, 1972. Р. 70. Рус. пер.: Тертуллиан. Против Маркиона. Санкт-Петербург, 2010. С. 111–112.

20 Науменко А. Л. Учение о гневе Божием в творениях Тертуллиана, Новациана и Лактания // Метафраст. 2021. № 2 (6). С. 61.

Поэтому библейская мудрость неизменно напоминает о проявлении гнева Божия как одной из важнейших характеристик богоприсутствия:

«Одна из самых поразительных черт Библии — это удивительная настойчивость, с которой оба Завета подчёркивают неизбежность и ужас Божия гнева. Если исследовать симфонию, то мы обнаружим, что гнев, ярость и негодование Бога упоминаются в Библии чаще, нежели Его любовь и нежность»²¹.

Прорыв Божественного гнева в социальность, в общественное устройство означает, что Бог не забывает о людях, ведь «всё, чего Бог не “помнит”, перестаёт существовать»²². Это жёсткий, подчас ужасающий прорыв, сопровождающийся страдающим человеческим возгласом: «*Погибни день, в который я родился!*» (Иов. 3, 3), есть напоминание о том, что мы находимся в руце Божией (Прем. 3, 1), что человеческая социальность всего лишь фрагмент «*полагания оснований земли*» (Иов 38, 4).

Через гнев Божий устроется школа новой социальности, в которой даже земной ландшафт становится участником действия гнева Божия:

«...и говорят горам и камням: падите на нас и скроите нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца; ибо пришел великий день гнева Его, и кто может устоять» (Апок. 6, 16–17).

Геосоциальные реалии предстают соотнесёнными с божественностью через проявление гнева Божия. Принятие социальностью в себя и для себя Божественного гнева определяет вектор «герменевтических стратегий, возможных при встрече с библейским образом страстного и наказывающего Бога»²³, в рамках которых стоит богословски осмысливать социальные реалии.

Принятие социальностью гнева Божия открывает новые возможности для духовной герменевтики, новые потенциалы для преображённого познания социальных явлений. Откровение входит в человеческое познание через соположенность суда Божия и социальных катастроф:

«Как же происходит это откровение гнева? Оно вложено непосредственно в совесть каждого человека: и те, кого Бог предал превратному уму (Рим. 1, 28) на безудержное зло, всё-таки знают праведный суд Божий, что делающие такие дела достойны смерти (Рим. 1, 32). Ни один человек не остаётся без какого-либо знания о грядущем

21 Пакер Д. Познать Бога... С. 66.

22 Зизиулас И. Общение и инаковость: новые очерки о личности и Церкви. Москва, 2012. С. 109.

23 Волчков А., свящ. Богословие гневающегося Бога в Священном Писании // ХЧ. 2017. № 4. С. 209.

Суде. Это непосредственное откровение подтверждается данным нам словом Евангелия, которое подготавливает нас к принятию Благой вести, рассказывая прежде весть о грядущем дне суда и откровения праведного суда от Бога (Рим. 2, 5)²⁴.

Знание о Божием гневе становится условием нового знания, фундаментом для принятия Благой вести. Сон духовного познания (порождающий своих чудовищ) преодолевается и в ситуации проявления Божественного гнева, проявленности для людей Богоприсутствия:

«Они сначала ужаснулись в своём нечестии и непокорности, пробудились ото сна (в котором Бог — это Тот, Кого мы так называем), завеса религиозного тумана и божественного облака гнева разорвалась, и они увидели Непостижимого, услышали Его “нет!”, почувствовали предел, суд, парадокс нашего бытия, будучи исполненными нужды и надежды, уловили самое главное в человеческой жизни»²⁵.

Одной из смысловых граней явления гнева Божия выступает духовно-религиозное познание социальных ситуаций, познание, возносящееся за рамки утилитарно-прагматических схем прайминга, салиентности и прочих менеджмент-материалистических стратегий познания.

В ситуации вхождения гнева Божия в социальность преображаются не только методологические основания социального познания, но даже такой ключевой модус социального бытия, как время. «Социальное время» (П. Сорокин) под воздействием гнева Божия получает уникальную пластичность, гнев Божий позволяет открыть своеобразную скульптурику социального времени, которая в иных подходах остаётся неявной.

В интеллектуальных версиях интерпретации сакрального времени появляется определение мифической хронологии, в котором сливаются синхронные и диахронные потоки времени:

«...миф есть мгновенное целостное видение сложного процесса, который обычно растягивается на большой промежуток времени»²⁶.

Социально-сакральное время определяемо уникальной компрессией, приводящей к пластичности времени, вплоть до библейского описания «нулевой» общественной темпоральности, когда времени не будет (Апок. 10, 6). Социально-сакральное время обретает возможность взлетания, удаления от материально-земной цифровизации, преображаясь в **וּלְמֹう**, *ивр.* «olam», т. е. «время, которое находится на большом

24 Пакер Д. Познать Бога... С. 69.

25 Барт К. Послание к Римлянам. С. 32.

26 Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека. Москва, ²2007. С. 31.

удалении и, таким образом, настолько недоступно нашему взгляду и нашим представлениям, что теряется в темноте и неопределённости»²⁷. В темпоральном взлетеании явлена уникальная способность социально-сакрального времени явить верность определению о том, что «время постигается через соотнесение, а не через указание; предикативно, а не оstenсивно»²⁸. Именно через соотнесённость с гневом Божиим социальное время, а следовательно, и социальная катастрофичность, обретает всепроникающую мобильность и в познании времени, и в познании временем. В принятии гнева Божия как темпоральной характеристики, в осознании религиозных оснований время социальной катастрофы начинает менять свою односторонность, получает многовекторность, получает способность сочетать в себе разнокачественные параметры. Библейская мудрость подчёркивает такую специфику времени гнева Божия, как, впрочем, и особенность времени Божией благодати:

«Его гнев длится мгновение, а благодать Его — всю жизнь; весь вечер длится плач, но наутро — радость» (Пс. 29, 6).

Катастрофическое мгновение преображаемо в благодатную вечность, темпоральный вечер сливается с экзистенциальным плачем катастрофического страдания, а хронологическое утро обретаетозвучность с сотериологическим возрадованием — и всё это происходит в контексте проявленности гнева Божия в социально-сакральном времени...

Тем самым гнев Божий, само «богословие гнева» выступает определяющим условием преображения общественного познания как в формате социальной герменевтики катастрофичности, так и в модусах социально-катастрофичного бытия, в частности, во временному восприятии катастрофы. Христианское «богословие гнева» способно предложить стратегическую парадигму осмысления катастрофических ситуаций в социальном спектре. Социальный масштаб гнева Божия, заявленный в Священном Писании, поэтапно распространяется на различные социальные страты:

«Итак, сначала рассмотрим проявление божественного гнева по отношению к тем, кто находится вне отношений завета, которые Бог установил со своим народом Израилем; затем обратим внимание на конкретные формы, которые принимало это проявление, и причины,

27 Ворохобов А.В. «Πλήρωμα τοῦ χρόνου». Некоторые аспекты библейской концепции времени // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2010. № 8. С. 13.

28 Михайлов П.Б. Категория времени в христианской метафизике: Григорий Нисский и Максим Исповедник // ΣΧΟΛΗ. 2015. Vol. 9. C. 120.

которые их вызывали, когда Бог направлял свой гнев на свой избранный народ; и наконец рассмотреть, как божественный гнев проявляется в Иисусе Христе, в соответствии с новым заветом, который он заключил, и в последний день Гнева»²⁹.

Поэтапно осмысливая вхождение гнева Божия в социальную реальность — от ветхозаветной катастрофичности до новозаветной апокалиптичности, можно выработать определённые рекомендации по моделированию реакций на социальные катастрофы, обретающие вселенческий размах, ведь гнев Божий явлен всепотопляющим наводнением (Наум. 1, 8) для всего человеческого сообщества.

Демография и гнев Божий

Право богословского подхода создавать выверенную аргументацию конкретных социальных преобразований, определять направление стратегий общественных трансформаций и, как следствие, право участвовать в распределении государственно-социальных ресурсов — всё это определяет степень вовлечённости религиозных организаций, прежде всего Русской Православной Церкви, в решение социальных проблем, касающихся всего населения страны.

Одной из таких проблем, несомненно, является демографическая ситуация, которая в российской социологии всё чаще характеризуется как катастрофа или как приближение к катастрофическому статусу. Демографические реалии современной России обретают параметры социальной катастрофы: «...в контексте демографических перспектив нашей страны, реально репродуктивные установки населения снизились более чем на треть»³⁰; в последние годы естественный прирост населения России уменьшался на 1043341 человек³¹; в 2024 г. по данным Росстата за первое полугодие рождаемость снизилась на три процента — с 616 200 до 599 600³². Все эти тревожные показатели свидетельствуют о нарастании кризисных тенденций в области национальной демографии.

И если мы принимаем возможность — и необходимость! — рассмотрения социальной катастрофичности с точки зрения богословия,

29 Tasker R. The Biblical Doctrine of the Wrath of God. London, 1951. P. 6.

30 Хомченко А. Основные стратегии решения демографической проблемы России // Universum: Вестник Герценовского университета. 2010. № 3. С. 62–65.

31 Донской Д. А., Ужакова М. В. Анализ демографической ситуации в Российской Федерации. Прогноз на 2024–2026 гг. // ЭФО. Экономика. Финансы. Общество. 2024. № 4 (12). С. 54.

32 Росстат. Демография. [Федеральная служба государственной статистики.] URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

то и должны будем принять неизбывность гнева Божия, проявляющегося и в обозначенной демографической конкретике. В свою очередь, если мы принимаем в качестве исходной причины (или одной из таких причин) социальной катастрофы гнев Божий, то и социально-организационная реакция также должна принимать богословскую позицию и, самое главное, предлагать такие социально значимые решения, в которых тема гнева Божия будет осознанно учитываться.

Христианское богословие настаивает на том, что гнев Божий выступает как условие обретения благодати:

«Бог определил нас не на гнев, но к получению спасения через Господа нашего Иисуса Христа» (Фес. 5, 9).

Гнев Божий, как мы уже видели на примере богословия гнева, призван преобразить социальное сознание, изменить установки на цели и задачи социальных преобразований и стратегий. Святоотеческое наследие напоминает, что гнев Божий «умилостивляется» любовью и смирением:

«Чем умилостивляется Бог, когда во гневе хочет Он истребить грешников? Избранной жертвой, принесённой Ему, как кадило: любовью и смирением примиряется Он, если прогневали мы Его»³³.

Поэтому демографические процессы, явленные в российской действительности, требуют, наряду со светским комплексом экономических, административных, пропагандистских мероприятий, ещё и богословского видения, церковного понимания перспектив преображения гнева Божия, проявляющегося в сфере рождаемости.

Показательно, что христианская Церковь чётко осознаёт необходимость и важность своего участия в преодолении негативных демографических тенденций. На Западе вопрос христианской семьи, её сохранения и увеличения числа детей рассматривался ещё в первой трети XX столетия, например, «идеи ответственного родительства стали логическим продолжением тезисов, написанных в “Casti Connubii” (“О целомудренности брака”) — энциклике папы Пия XI 1930 г.»³⁴ В современной России ситуация с укреплением семьи стоит не менее остро, в решении этой непростой задачи необходимо задействовать все возможные ресурсы, в том числе и богословское осмысление демографических перспектив.

33 Ephraem Syrus. Paraenethica 61 // *Sancti patris nostri Ephraem Syri opera omnia quæ exstant*, Græce, Syriace, Latine. T. 3. Roma, 1743. P. 531F. Рус. пер.: Ефрем Сирин, прп. О покаянии 61 // ТCO. 1850. Т. 16. Кн. 4. С. 382.

34 Марков Д. А. О христианской традиции и проблеме деторождения с точки зрения «Структуры теологических революций» Марка Массы. С. 253.

Слова В. А. Тернавцева о «Русской Церкви перед великой задачей», произнесённые более ста лет назад, не утратили актуальности, напротив, обостряются разворачивающимися социальными катастрофами. Церковь призываются (через свою уникальную богословскую способность прозревать истоки и последствия гнева Божия) явить предложения по формированию стратегических направлений, дабы улучшить социальное состояние.

Показательно, что демографические улучшения отмечаются именно в тех социальных группах, которые принимают церковно-богословское истолкование Божественного присутствия и, как следствие, включают в свой социально-перспективный горизонт тему гнева Божия. Религиозные семьи, исповедующие в своём духовно-социальном сознании присутствие Бога и принимающие социальный масштаб гнева Божия, составляют ту часть российского социума, где деторождение поступательно увеличивается:

«Согласно всероссийскому исследованию Orthodox Monitor от 2012 г., среди воцерковленных православных россиян в возрасте от 18 до 45 лет доля многодетных семей выше, чем в среднем по России (16% среди всех причащающихся раз в месяц и чаще). Доля многодетных среди представителей других вероисповеданий также высока (15%)»³⁵.

Тем самым даже статистически подтверждается, что религиозное мировидение, основанное на принятии присутствия гнева Божия в социальной реальности, способно результативно преодолевать негативные последствия демографического кризиса.

Религиозное понимание мира определяет общественные установки тех социальных групп, которые должны стать объектом пристального внимания со стороны государственных и корпоративных структур для поддержания обозначенных тенденций улучшения демографии. Обоснованно можно утверждать, что такая социальная база верующих существует в национальном социуме:

«В России сформировалось ядро — около 10% населения — верующих и религиозных граждан с относительно высокими показателями религиозного поведения и участия в религиозной жизни. Это ядро окружает “периферия” (25–30%) — люди, у которых показатели религиозного поведения несколько ниже, но их жизнь тем не менее

35 Павлюткин И. Значение религии в современной российской рождаемости. [Аист на крыше.] URL: <https://www.proaist.ru/articles/znachenie-religii-v-sovremennoy-rossiyskoy-rozhdaemosti-/?ysclid=m5qfghn5za704504826>

связана с религиозными общинами и приходами, они верят в бессмертие души и считают религию важной частью своей жизни»³⁶.

Наличие чёткой социальной группы позволяет говорить о том, что возможно выработать стратегическое планирование и ресурсную поддержку с акцентом на указанную группу. Результативность вложений в религиозные группы с целью повышения рождаемости становится максимально оправданной, поскольку именно эта группа оказывается духовно мотивированной к повышению рождаемости в свете преображения социального сознания темой гнева Божия, стремления ответить на гнев Божий «смирением и любовью» увеличивающегося деторождения.

Социологические исследования подчёркивают, что «динамика городской многодетности задаётся сегодня динамикой религиозности или является следствием диффузии религии. Большое значение приобретает генеративность приходских социальных сетей, которые одновременно выполняют несколько функций: социальное заражение, социальное обучение, социальная помощь»³⁷. Максимально широкое распространение религиозного мировосприятия, целенаправленно поддерживаемого государством и бизнес-структурами, позволит создать такую духовно-социальную ситуацию, в которой будут воплощены слова Евангелия о преображении тех, кто были *по природе чадами гнева* (Еф. 2, 3), тех, кто ожидает спасения в Иисусе, избавляющем нас от *грядущего гнева* (1 Фес. 1, 10).

Прославление христианской семьи как основы для многодетности, развитие богословия семьи как всеобщей социальной задачи должны получить многостороннюю поддержку в виде целенаправленной финансово-организационных дотаций, сориентированных именно на православные приходы. Церковный приход под наставничеством священства способен стать той стартовой площадкой, на которой, при соблюдении нормативной отчётности и финансового контроля, должны быть запущены проекты поддержки православной многодетности. Богословским основанием таких проектов как раз и выступает богословие славы, способное увидеть в проявлении гнева Божия Его грядущую славу, воплощаемую, в том числе, в прославлении православной семьи.

Формы поддержки могут быть самыми разными. В частности, такая поддержка может выглядеть в виде грантов или льготных форматов

36 Синелина Ю.Ю. Новые тенденции в религиозном сознании и поведении россиян // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 2013. № 1. С. 82.

37 Павлюткин И. Значение религии в современной российской рождаемости.

для приобретения жилья, выделяемых тем семьям, входящим в конкретный православный приход, которые планируют рождение будущих детей в ближайшие два года. И дальнейшие перспективы получения грантовой поддержки в виде той же льготной ипотеки для данного прихода будут зависеть от количества рожденных детей в приходе.

Православный приход, принимающий всю полноту ответственности за преображение гнева Божия, способен стать своеобразной сферой взаимной солидарности за повышение рождаемости. В религиозных группах, как установлено исследователями, существуют «три механизма, посредством которых религиозность оказывает влияние на рождаемость: религиозное учение, социальный капитал религиозных людей и способность религии уменьшать у человека ощущение неопределенности»³⁸. Именно в контексте такой духовной «механики» и необходимо выстраивать богословско-демографическую политику на приходе. Через церковный приход должна быть запущена программа мотивации увеличения деторождения в виде проведения богословских курсов, бесед, консультаций, подкрепляемых реальной поддержкой со стороны государства и бизнес-структур. В основе таких мероприятий могут лежать богословие семьи, осмысление христианского идеала материнства, богословие Младенца, богословие Богоматери и другие темы, связанные с богословием гнева и славы Божией.

Многодетность способна стать духовной идеей, объединяющей сообщество христианского прихода. Статистически православный приход уже сейчас демонстрирует реальную реализацию идеи многодетности:

«Есть многодетность как следствие религиозной социализации. Это-
му характерен узкий интервал рождения (не превышает 2–3 лет)
и большое количество детей. Также можно выделить группу семей,
которые стали многодетными в силу социального “заражения”, пе-
ренимания опыта со стороны образцовых семей»³⁹.

Многодетная семья, сознательно принимающая на себя ответственность за преображение гнева Господня, должна стать образцом для членов прихода, ведь именно «на рождение третьих детей сильнее влияют религиозные и культурные факторы»⁴⁰. Религиозность, явленная в рамках прихода, способна обеспечить нормативность многодетности, так как «религия содержит определенный набор установок,

38 Philipov D., Berghammer C. Religion and Fertility Ideals, Intentions and Behavior: A Comparative Study of European Countries // Vienna Yearbook of Population Research. 2007. Vol. 5. P. 273.

39 Павлюткин И. Значение религии в современной российской рождаемости.

40 Там же.

норм и ценностей, которые передаются (приобретаются) в ходе социализации, в том числе, норму многодетности»⁴¹. Гнев Божий, явленный в апостольском предупреждении: «*Горе же беременным и питающим соццами в те дни; ибо великое будет бедствие на земле и гнев на народ сей*» (Лк. 21, 23), может быть преображен праксисом морального богословия, осуществляемого на христианском приходе.

Конечно, существует ещё много вопросов «о том, насколько богословски решаема и нормализуема проблема интимных сторон семейной жизни, какова роль вероучительного авторитета церкви в вопросах естественного права <...>, может ли церковь трактовать естественный закон, является ли рождение детей правом и обязанностью каждого человека»⁴², но без создания реальных программ поддержки многодетности на православных приходах на эти вопросы ответить не удается. Будут и сложности, например, в вопросе о бездетности, но именно в атмосфере прихода получает возможность быть воплощённым богословский тезис о том, что бездетность не есть гнев Божий, а вот осуждение желания иметь детей — это гнев Божий. Можно вспомнить святоотеческую мудрость:

«Заботься не на земле оставить детей, но возвести на небо; не прилепляйся к супружеству плотскому, но стремись к духовному, рождай души и воспитывай детей духовно»⁴³.

А потому необходимо вкладывать ресурсы в те площадки, где рождаются и реальные дети, и духовные чада, в те площадки, где происходит обращение ко Христу как изменение семейно-культурных связей, как переход к системе прав и обязанностей нормативной многодетности.

Церковный приход может стать площадкой богословско-социального осмысления роли православных родителей, формирующей норму многодетной семьи. Приход может стать местом встречи корпораций и Церкви, когда компании выступают своеобразными миссионерами в области демографического развития России, теми структурами, где подготавливается и воплощается «обновлённый и расширенный корпоративный стандарт поддержки устойчивого демографического

41 Забаев И. В. и др. Влияние религиозной социализации и принадлежности к общине на рождаемость. Постановка проблемы // Демоскоп Weekly. 2013. № 553–554.

42 Марков Д. А. О христианской традиции и проблеме деторождения с точки зрения «Структуры теологических революций» Марка Массы. С. 251.

43 *Basilius Caesariensis* [sp]. *Sermo asceticus X*, 2 // PG. 31. Col. 621. Рус. пер.: Василий Великий, свт. Предначертание подвижничества // ПСТГО. 2009. Т. 4. С. 123.

развития в корпоративной сфере»⁴⁴. Так, сегодня представители корпораций заявляют:

«Мы уверены, что заложенные принципы вполне можно распространить на другие компании. В наших силах всё, чтобы развернуть в обратную сторону негативные демографические тренды»⁴⁵.

А потому проекты, возникающие в рамках православных приходов и получающие богословское обоснование, в частности, в рамках богословия гнева Божия, требуют всемерной поддержки со стороны государства и общества.

Выводы

Таким образом, принятие богословия гнева Божия в контексте социальных преобразований, в частности, в области демографии, позволяет увидеть и сформировать перспективы преодоления социальных катастроф, подключить церковно-богословский потенциал к преодолению кризисных общественных ситуаций. В богословском мировидении формируется тот образ духовно-социального доверия, которого так не хватает в реалиях секулярного мира. Богословское свидетельствование: «Я всегда и непоколебимо сохраняю доверие, непоколебимое, безусловное доверие к вере или веру в доверии к милости Божией»⁴⁶ — преображает доверие в социальную задачу, в рамках которой появляется надежда на преображение гнева Божия. Церковный приход как уникальная духовно-социальная общность способен выступить в качестве образца для всего общества в осуществлении нормативной многодетности, в приведении в социальные реалии богословского тезиса о том, что «всегда и везде существовало прощение грехов, всегда и везде над людьми было чудо богатства благ Божиих, чудо сдерживания Его гнева»⁴⁷, чудо Божественного долготерпения (Рим. 2, 4). Открытостью этой надежде на милосердие Божественного Промысла, надежде на ожидание с небес Сына Его, Которого Он воскресил из мертвых, Иисуса, избавляющего нас от грядущего гнева (1 Фес. 1, 10), надежде на то, что будучи оправданы кровью Его, спасемся Им от гнева (Рим. 5, 9) — и определяется право христианского богословия осмысливать и практически участвовать в социальных преобразованиях современности.

44 Павлюткин И. Значение религии в современной российской рождаемости.

45 Там же.

46 Кюнг Г. Во что я верю. Москва, 2013. С. 219.

47 Барт К. Послание к Римлянам. С. 78.

Источники

- Augustinus Hipponeensis. De civitate Dei // Aurelii Augustini opera. Pars 14: De civitate Dei libri I–XXII: [in 2 vols.] / ed. B. Dombart, A. Kalb. Turnholti: Brepols, 1955. (Corpus Christianorum series latina; t. 47–48). P. 1–866.*
- Basilius Caesariensis [sp]. Sermo asceticus X // PG. T. 31. Col. 620–625.*
- Basilius Caesariensis. Moralia // PG. T. 31. Col. 699–870.*
- Ephraem Syrus. Paraenethica // Sancti patris nostri Ephraem Syri Opera omnia: quae exstant Graece, Syriace, Latine in sex tomos distributa [ad mss. codices Vaticanos, aliasque castigata, multis aucta, interpretatione, praefationibus, notis, variantibus lectionibus illustrata] / Syriacum textum recensuit P. Benedictus. T. 3. Romae: Ex typographia Vaticana, Jo. Mariae Henrici Salvioni typogr., 1743. P. 367–561.*
- Tertullianus. Adversus Marcionem: [in 2 vols.] / ed. E. Evans. Oxford: Clarendon Press, 1972. (Oxford Early Christian Texts).*
- Августин, блж. О граде Божием // Августин Аврелий, еп. Иппонийский. Творения / сост. и подгот. текста к печати С. И. Еремеева. О граде Божием. Санкт-Петербург; Киев: Алетейя; УЦИММ-пресс, 1998. Т. 3. С. 3–594; Т. 4. С. 3–585.
- Василий Великий, свт. Нравственные правила // Василий Великий, свт. Творения: [в 2 т.]. Т. 2. Москва: Сибирская благозвонница, 2009. (Полное собрание творений святых отцов Церкви и церковных писателей в русском переводе; т. 4). С. 19–101.
- Василий Великий, свт. Предначертание подвижничества // Василий Великий, свт. Творения: [в 2 т.]. Т. 2. Москва: Сибирская благозвонница, 2009. (Полное собрание творений святых отцов Церкви и церковных писателей в русском переводе; т. 4). С. 122–125.
- Ефрем Сирин, св. О покаянии [Гимны 5–76] // Творения св. Ефрема Сирина. Ч. 5 // Творения святых отцов в русском переводе издаваемые при Московской духовной академии. Т. 16. Кн. 4. Москва: Тип. В. Готье, 1850. С. 237–416.
- Тертуллиан. Против Маркиона: в 5 кн. / пер. с лат., вступ. ст. и comment. А. Ю. Братухина. Санкт-Петербург: Изд. Олега Абышко; Университетская книга, 2010.

Литература

- Барт К. Послание к Римлянам / [пер. с нем. В. Хулапа]. 2-е изд. Москва: Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 2016. (Современное богословие).
- Бергер П. Л. Священная завеса: элементы социологической теории религии / [пер. с англ. Р. Сафонова]. Москва: Новое литературное обозрение, 2019. (Studia religiosa).
- Волчков А., свящ. Богословие гневающегося Бога в Священном Писании // Христианское чтение. № 4. 2017. С. 207–224.
- Ворохобов А. В. «Πλήρωμα τοῦ χρόνου». Некоторые аспекты библейской концепции времени // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2010. № 8. С. 7–24.
- Гордюхин Е. Ф. Эпикур: Учение о богах и «эстетика удовольствия» // Credo New. 2010. № 4. С. 48–65.

- Донской Д. А., Ужакова М. В. Анализ демографической ситуации в Российской Федерации. Прогноз на 2024–2026 гг. // ЭФО. Экономика. Финансы. Общество. 2024. № 4 (12). С. 51–61.
- Дюркгейм Э. Социология: Ее предмет, метод, предназначение: [Сборник: пер. с фр.]. Москва: Канон, 1995.
- Забаев И. В. и др. Влияние религиозной социализации и принадлежности к общине на рождаемость. Постановка проблемы // Демоскоп Weekly. 2013. № 553–554.
- Зизиулас И. Общение и инаковость: новые очерки о личности и церкви / [пер. с англ. М. Толстолуженко, Л. Колкер]. Москва: Изд. ББИ, 2012.
- Колесников С. А. Богословие и социум: варианты взаимодействия и стратегии преобразования // Богословский вестник. 2024. № 4. С. 61–79.
- Куликов Л. В. Катастрофизм в массовом сознании как детерминанта состояния страха // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2015. № 5. С. 66–75.
- Кюнг Г. Во что я верю / пер. с нем. Е. Гетель. Москва: ББИ, 2013. (Современное богословие).
- Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Г. Николаева. Москва: Гиперборея; Кучково поле, 2007. (Теоретическая социология / ЦФС. Logica socialis).
- Марков Д. А. О христианской традиции и проблеме деторождения с точки зрения «Структуры теологических революций» Марка Массы // Вопросы теологии. 2020. Т. 2. № 2. С. 250–261.
- Михайлов П. Б. Категория времени в христианской метафизике: Григорий Нисский и Максим Исповедник // ΣΧΟΛΗ. Vol. 9. (2015). С. 116–122.
- Науменко А. Л. Учение о гневе Божием в творениях Тертуллиана, Новациана и Лактанция // Метафраст. 2021. № 2 (6). С. 58–78.
- Павлютин И. Значение религии в современной российской рождаемости. [Аист на крыше.] URL: <https://www.proaist.ru/articles/znachenie-religii-v-sovremennoy-rossiyskoy-rozhdaemosti-/?ysclid=m5qfghn5za704504826> (дата обращения: 1.2.2025).
- Пакер Д. Познать Бога... / пер. В. Алексеев. Москва: СGP, 1992.
- Постон Т., Стюарт И. Теория катастроф и ее приложения. Москва: Мир, 1980.
- Синелина Ю. Ю. Новые тенденции в религиозном сознании и поведении россиян // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 2013. № 1. С. 76–82.
- Сухова Н. Ю. Вертоград наук духовный: сб. статей по истории высшего духовного образования в России XIX – начала XX века. Москва: Изд. Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2007.
- Федотов Г. П. Судьба и грехи России: избранные статьи. Москва: ДАРЬ, 2005.
- Хомченко А. Основные стратегии решения демографической проблемы России // Universum: Вестник Герценовского университета. 2010. № 3. С. 62–66.
- Desmond W. Being and the Between: Political Theory in the American Academy. New York (N. Y.): State University of New York Press, 1995.

Philipov D., Berghammer C. Religion and Fertility Ideals, Intentions and Behavior: A Comparative Study of European Countries // Vienna Yearbook of Population Research. 2007. Vol. 5. P. 271–305.

Schütte H. W. Die Ausscheidung der Lehre vom Zorn Gottes in der Theologie Schleiermachers und Ritschls // Neue Zeitschrift für Systematische Theologie und Religionsphilosophie. 1968. Bd. 10, № 3. P. 387–397.

Tasker R. The Biblical Doctrine of the Wrath of God. London: Tyndale Press, 1951. (Tyndale Biblical Theology Lecture; 1951).

Интернет-ресурсы

Росстат. Демография. [Федеральная служба государственной статистики.] [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 8.11.2025).